

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПОДМОСТКИ

Евгений Панфилов —
живее всех живых*Перед завершением сезона театр «Балет Евгения Панфилова» представил две очень разные премьеры*

Юлия Баталина

«Пермские истории» — проект оригинальный и хорошо распиаренный: постановка вошла в число немногих мероприятий, официально посвящённых 290-летию Перми. Замысел её возник у председателя Пермского отделения Союза композиторов России Игоря Машукова после того, как год назад прошёл пермский композиторский фестиваль и на нём молодые балетмейстеры Арина Панфилова и Марина Кремнёва показали свои работы, созданные на музыку пермских композиторов. Тогда Машуков и подумал, что неплохо бы сделать балет о пермских феноменах — сам-то он давно ими увлечён, и его пьесы «Молёбка» и в «Пермском зверином стиле» хорошо известны местным меломанам. Идея нашла понимание у главы комитета по культуре администрации Перми Вячеслава Торчинского, был выделен грант, и под самый занавес сезона в театре «Балет Евгения Панфилова» прошла премьера.

Проект «Пермские истории» — композиторский, и это очевидно. Всё, что касается музыки, сделано безупречно, как в плане подбора, так и в плане исполнения произведений. Семь пьес трёх композиторов — Никиты Широкова, екатеринбуржца Валентина Барыкина и самого Машукова — представляют современную серьёзную музыку в её постмодернистском многообразии. Здесь и умелое использование мелодических архетипов, таких как фольклорные и церковные мотивы, и минимализм, и «музыкальные картины». Лёгкое и профессиональное отношение к ритму, гармонии, построению музыкальных фраз.

Музыканты, которым доверили исполнение музыки, порадовали отличным её пониманием и виртуозным владением инструментами. Машуков, отлично знающий профессиональные кадры Перми, доверил землякам фортепианные произведения, а вот партии духовых и струнных исполнили екатеринбуржцы. Чистота и артистизм исполнения, понимание музыки — всё было на высоте.

Как признался Машуков, в Перми найти исполнителей не хуже можно только в оркестре Теодора Курентзиса MusicAeterna, а они обходятся слишком дорого.

Словом, в том, что касается сферы его профессиональной компетенции, Машуков показал себя молодцом. А вот во всём, что выходит за рамки этой сферы, говоря прямо, не справился.

«Пермские истории» не выглядят единым произведением, поскольку целостного режиссёрского решения спектакля не существует. Он распадается на семь фрагментов, ничем не связанных между собой ни сюжетно, ни стилистически. Заявленная тема — пермские феномены — единства не привносит, поскольку уж очень широка: тут и инопланетяне в

«общие места»: постановщик выбирает сценические решения, которые в первую очередь приходят в голову. Так, заключительный фрагмент балета называется «Памяти Евгения Панфилова», и Ивата беззастенчиво выводит на сцену Евгения Панфилова в качестве персонажа. Исполняет эту роль, само собой, Алексей Расторгуев, который вот уже несколько лет старательно культивирует внешнее сходство с легендарным хореографом, создавая имидж «нового Панфилова». У каждого, кто знаком с театром, это решение возникает автоматически, не надо быть режиссёром-постановщиком, чтобы им воспользоваться.

В целом хореография Иваты производит впечатление робкой и неуверенной: будучи танцовщиком классического балета, он не владеет лексикой contemporary dance, к тому же, не «отыгрывает» особенности музыки, и многие композиторские нюансы, не поддержанные танцем, стираются. Возможно, пермская тема всё-таки недостаточно близка постановщику, потому что его же хореографическая миниатюра «Восхождение на Фудзияму» производит совсем иное, гораздо более сильное впечатление.

Неделю спустя после «Пермских историй» «Балет Евгения Панфилова» предъявил публике «Тревожное небо» — одноактный балет хореографа Константина Кейхеля, навеянный, как явствует из названия, стихотворением Шарля Бодлера.

Поэтические ассоциации — вещь сугубо индивидуальная, и балет «Тревожное небо» ещё раз это доказал. Стихотворение Бодлера посвящено непостижимой природе женщины, изменчивой, как небо.

Кейхель сделал из этого недлинного и весьма философского поэтического произведения многофигурный балет, в котором, конечно же, есть красивый и сложный центральный дуэт, однако в целом это история о людской толпе, движущейся то хаотично, то упорядоченно, но всегда разнонаправленно. Пути людей пересекаются, они сходятся и расходятся, никогда не соединяясь надолго.

Константина Кейхеля и «Балет Евгения Панфилова» познакомила руководитель фестиваля современной хореографии «На грани» Лариса Барыкина. По её словам, Кейхель — один из самых многообещающих хореографов новейшей генерации, у него много предложений о сотрудничестве от известных балетных трупп, в том числе, например, от театра им. Леонида Якобсона. Возможно, постановка «панфиловцев» станет частью большой балетной истории, поскольку это первый самостоятельный спектакль Кейхеля.

В отличие от «Пермских историй», здесь совершенно не видно «швов» между разными музыкальными произведениями, их которых, как это нередко бывает в contemporary dance, состоит музыкальная основа спектакля. Балет выглядит целостным, но... недостаточно радикальным. Это гораздо более неоклассический балет, чем произведение современной хореографии, какие создавал Панфилов.

Это особенно видно по контрасту с балетом «Восемь русских песен», которые театр показывал в тот же вечер, что и «Тревожное небо». Этому шедевру Панфилова уже исполнилось 20 лет, но его хореография до сих пор более актуальна, чем у его молодых коллег. ■

ФОТО ЮЛИЯ ТРЕГУБ